

са). И, следовательно, связность обворачивается своей противоположной стороной – членностью текста.

Резюме

В статье рассматривается таксисная техника связности (1) на уровне простого осложненного и (2) сложного предложения, а также на (3) уровне текста. Таксис понимается как совпадение/несовпадение по каждой из трех предикативных категорий. На уровне текста таксисная техника обеспечивает, во-первых, связность регистрационного композитива, во-вторых, во взаимодействии с субъектной организацией текста, членность текста.

Елена Никитина

Москва,
ИРИ РАН

«Другие» в синтаксической конструкции, в образной системе и в развитии сюжета¹

Название предлагаемой статьи отсылает к двум известным работам Т.В. Бульгиной (1990) и Т.В. Бульгиной и А.Д. Шмелева (1997): «Я, ты и другие в русской грамматике», «Я, ты и другие в русском синтаксисе», в которых рассматривались русские «односоставные» предложения, организованные предикатами 2-го л.ед. и 3-го л.мн./прош.мн., в pragmatischem, interpretacionном аспекте. Слово «другие» у Т.В. Бульгиной и А.Д. Шмелева прочитывается в двух значениях: (1) как указание на незакрытый ряд местоимений (я, ты и другие местоимения, своеобразное развертывание сокращения «и др.»), (2) как субъекты 3-го л., противопоставленные говорящему, что и получило освещение при анализе предложений, которые в русской грамматической традиции называются неопределенными (типа *В дверь постучали*).

Ниже пойдет речь о «других» во втором понимании, то есть о языковых средствах, с помощью которых осуществляется delineation мира на Я и не-Я, разграничиваются индивид и общество, личность и толпа, Я и все остальные. Я и другой (возлюбленная/возлюбленный, соперник, визави) и др.

Противопоставленность Я-субъекта всем другим субъектам разрабатывалась в лингвистике с самых разных точек зрения – взаимодействие лексической семантики глагола и категории лица (ограничение на глагольную парадигму), в семантической типологии

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 12-04-12064).

логии простого предложения (связь между семантикой предиката и типом субъекта), в рамках речевого акта (перформативы), в художественном тексте (совпадение/ несовпадение 1-го и 3-го л. в связи с формированием внутренней/ внешней точки зрения). Настоящая статья посвящена неопределенности-личным предложением в художественном тексте. Задача – проследить, как реализуются категории индивидности/ неиндивидуальности субъекта и акциональности предиката в неопределенности-личных предложениях в художественном тексте. На уровне текста это выражается в способности субъекта развивать сюжет, осуществлять действия, продвигать сюжетное время к развязке. Помимо этого, ставится задача рассмотреть другие средства выражения неиндивидуальных субъектов («других») в рамках конкретных художественных текстов, в которых сама тематика предполагает деление и противопоставление героев.

Семантическая категория индивидности, предложенная Ю.С. Степановым², является результатом семантического наложения, соединения именных категорий числа, одушевленности/ неодушевленности, личности/ неличности и местотеменной категории лица. Самый высокий ранг при классификации субъектов по степени индивидности получает я-субъект, самый низкий – предметные субъекты. Со степенью индивидности связана степень агентивности. В самом деле, способностью к выполнению действия (характеризующегося такими признаками, как воля, сила, динамика, контроль, целеполагание) располагают более индивидные субъекты (одушевленные, личные, единичные, персонализированные), однако наблюдения над синтаксическими единицами разных уровней в рамках залога показывают, что максимумы агентивности и индивидности могут не совпадать³. (1) Более динамическая синтаксема Тв. субъектного менее индивидна, более статическая субъектная синтаксема У+Род. более индивидна: первая организуется именами исполь-

нительской (сближающейся с орудийной) семантики и встраивается в предложение с акциональными предикатами, вторая обычно организуется собственными (индивидуальными) именами и личными местоимениями и подавляет акциональность предиката, ср.: *Передняя дверь открылась водителем* (?много) по требованию – *У меня дверь не открывается*. (2) Семантика не-контролируемости, потери контроля над действием, выражаемая сов.в., представлена в конструкции с более индивидуальными субъектами: *У меня дверь не открылась* (= не получилось) – ?*Дверь водителем не открылась*. (3) Возвратно-инволютивные предложения несут семантику состояния и предполагают субъекта в Дат. (синтаксема субъекта состояния Дат., часто выражаемая нулем, является средством создания внутренней точки зрения): (*Mне*) не спится, здесь хорошо работает. В данном типе предложения смыкаются максимум индивидности (только Я-субъект) и отсутствие акциональной семантики: если предикатом является глагол действия, то он меняет свою акциональную семантику на статульную, если же глагол состояния, то он подтверждает в рамках данной конструкции свое категориальное значение (состояние).

Рассмотрим, как реализуется семантика индивидности и агентивности в субъектах неопределенного-личных предложений. Типология субъектов неопределенного-личных предложений имеет не-посредственное отношение к образам в художественном тексте, к смысловым отношениям между субъектными сферами.

В поэтическом тексте, в котором предъявляется конфликт между лирическим Я и цепым светом, неопределенного-личное предложение может включаться в систему грамматических и лексических средств, предъявляющих не-Я, «других». В следующем стихотворении М. Цветаевой⁴ можно видеть смысловые вариации на тему русской конструкции *Меня зовут...*:

² Ю.С. Степанов: *Имена. Предикаты. Предложения*. Москва 1981.

³ См. Е.Н. Никитина: *Семантика акциональности и залог. В: Вопросы русского языкоисследования*: Сб. Вып. XIV. Грамматика и текст (К юбилею Галины Александровны Золотовой). Ред. Н.К. Ониненко. Москва 2011, с. 44–58.

⁴ Следующий ниже анализ стихотворения является разбором его лексики и грамматики и не предполагает обращения к жизненным склонетам, связывавшим М. Цветаеву с ее современниками, а также интерпретации интertextуальных связей стихотворения.

Люди на душу мою льстятся,
Нежных имен у меня – святыи,
А восприемников за душой
Цельный, поди, монастырь мужской!
Уж и священники эти льстивы!
Каждый-то день у меня крестины!
Этот – орденком, щегленком – тот,
Всяк по-иному меня зовет.
У тяжелейшей из всех преступниц –
Сколько заступников и заступниц!
Лягут со мною на вечный сон
Нежные святыи моих имен.
Звали – равноб., называли – разно,
Все называли, никто не назвал.

Эта конструкция формально является неопределенно-личным предложением с утраченной акциональностью в prediccate и сближается с именными (бинонимативными) конструкциями, спр.: *Меня зовут Маша – Я Маша; Мое имя – Маша*. Цветаевское стихотворение построено таким образом, что в нем собираются средства однородной семантической сферы – в области предиката это глаголы называния, в области субъекта это средства эксплицивизности по отношению к субъекту речи, которые обладают общими признаками «третьельность», «множественность», «нереферентность», «неопределенность». В соединении с конкретными средствами называния субъекта, в связи с собственной лексической семантикой и в связи с конкретной реализацией категорий времени и вида глаголы называния приобретают разные степени акциональности.

Ставя звать в ряд других глаголов называния, поэт оживляет его первичное категориальное значение – действие, и вместе с ним воссоздается ситуация крестин (святыи, восприемник, святыи, заступники (святые)), при этом ситуация предстает как повторяющаяся (отсюда мн.ч. и несов.в.). Эта ситуация становится метафорой межличностных отношений (в которых объектом воздействия со стороны окружающих могут являться различные ипостаси лирического Я – могущая проявиться в любви, женская, творческая...).

В стихотворении два неопределенно-личных предложения, которые входят в один ряд со следующими: *Этом, том, всяк зовет; Звали; Называли; Все называли*; *Никто не назвал*. Эта серия организована предикатами – глаголами именования (зовет, звали, называли, не назвал) и субъектами – кванторными местоимениями (всяк, все, никто и 0_{зан}) и указательными местоимениями (*этот, том*) в отсутствие анафорических связей. Ряд субъектов может быть расширен за счет именных номинаций тех, кто пытается найти имя поэту, – это неиндивидуальные, нереферентные существительные (мн.ч.) в прямом или метафорическом значении *люди, восприемники, святыи и собирательное монастырь мужской* – одновременно и с метафорическим, и мтонимическим переносом. Семантика количественности (множественности) усиlena за счет частиц: *цельный монастырь мужской; сколько заступников и заступниц!*⁵

Все перечисленные в стихотворении предикаты называния имеют большую степень акциональности, чем в стандартной конструкции именования *Меня зовут...*. Этому способствует ряд факторов:

- 1) семантика глагольной основы (акциональные: *называть, называть – неакциональный: звать*);
- 2) дискретность в значении кванторного местоимения (всяк зовет – спр.: *Меня зовут...*), дискретность в местоименном ряду (*этот, том, всяк зовет*), которая придает временному динамику ситуации;
- 3) конкретная временная локализация, которую задает форма прош.вр., спр.: *Меня звали...* (более акционально) – *Меня зовут...* (неакционально).
- 4) в конструкции *Всяк зовет...* (орленком, щегленком) представлена единственно возможный Тв. предикативный (в отличие от Им./ Тв. в *Меня зовут Маша/ Машей*), что подчеркивает выбор, волю, субъективизм называющих (Им. предикативный связан с «объективностью» имени)⁵, а тем самым обнаруживает большую акциональность глагола.

⁵ См. Е. Н. Никитина: Конструкции с именительным и творителным предикатом

Повышение «акционального фона» можно интерпретировать в связи с изображением усилий, которые прилагают окружающие люди, чтобы назвать, а тем самым привлечь, приблизить к себе, понять поэта. В синтагматическом столкновении предложений *Звали равно – Называли разно* могут противопоставляться: (1) два возможных варианта называния окружающими поэта – единственное, «объективное» и «равнное» для всех окружающих имя, данное человеку (поэту) при рождении (крещении), и особые именования (*шегленок, орленок...*⁶), в которых выражаются попытки окружающих понять сущность поэта; (2) *звали равно* в значении «приглашали, просили об одном и том же» и *называли разно* в значении «давали разные имена» (чтобы получить желаемое).

По категории времени противопоставляются реальное настящее, данное формами наст. вр. (*льстятся, зовут*) и безлагольными предложениями, и будущее. Будущее предстает сначала в форме грамматического буд. вр. (*поядут на вечный сон*), а в последнем двустишии подводится итог с позиций будущего, в котором уже нет самого поэта; здесь время поэта и его современников предстает как прошлое и выражено формами прош. вр.: прош. несов. вида в имперфективной (процессуальной) функции (*звали, называли*) и прош. сов. вида в перфективной (результат действия, совершенного в прошлом) функции (*не назвал*). Так формируется «свершившееся будущее»: поэт смотрит на себя и современников со стороны, с точки зрения будущего, оценивает усилия окружающих и констатирует отсутствие результата этих усилий посредством отрицательной конструкции с глаголом сов. вида (перфект) и отрицательным местоимением: поэта никто не приблизил к себе, не понял (*никто не назвал*).

⁷ Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев: Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва 1997, с. 349–352.
⁸ Н. К. Онищенко: Классификация эзотерических элементов и субъектная перспектива высказывания. В: Проблемы функциональной грамматики. Принцип естественной классификации. Ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. Москва 2013.

В свое время, занимаясь семантикой и pragmatикой неопределенности-личных предложений, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев⁷ ввели нулевой субъект 0_{3ан} в систему русских личных местоимений. Н. К. Онищенко показала, что семантика личности соединена в таком нуле с семантикой кванторности⁸. На уровне текста это находит отражение во взаимодействии (в совместной встречаемости) неопределенности-личных предложений со всем спектром кванторных местоимений, в чем проявляется «семантическое согласование» на уровне текста.

Обращение к нарративным текстам разного времени позволяет выстроить типологию субъектов неопределенности-личных предложений с точки зрения количественного состава, референтного статуса, индивидности и агентивности.

Известно, что неопределенности-личные предложения в текстах XVIII–XIX вв. могут обозначать слуг, исполнителей (изображаются с точки зрения дворянского героя), которые не имеют личностных, индивидуальных черт, часто не имеют конкретно-референтных характеристик, не являются инициаторами действия и уподобляются инструменту, обслуживающему героя (ср. с семантикой субъектной синтаксемы Тв. при возвратно-страдательных предиках). См. примеры: *Француз камердинер подал ему башмаки с красными каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтан, шелковый блестящий; в передней наскоро пурпурли парик, его принести* (Пушкин, Арап Петра Великого); *Кресла с бабушкой прямо опустили посередине кабинета, в трех шагах от генерала* (Достоевский, Игрок).

Неопределенности-референтный индивидуальный субъект, изображаемый с точки зрения героя, который находится в фокусе авторской эмпатии (автор солидаризируется с героем): *Он едет, лишь воняет... ему / Она настыречу. Как сурова! Его не видят,*

дят, с ним ни слова (Пушкин, Евгений Онегин)⁹. В данном случае субъект неопределенно-личного предложения обнаруживает субъективно-индивидуальные черты, соответствующие по социальному рангу герою-протагонисту и являясь сюжетно значимым лицом, антагонистом главного героя. Форма множественного числа в этом случае не может реализовать значение ближайшей семантической зоны – неопределенности (так называемое «неопределенное множественное» число), потому что значение неопределенности, потенциально выражаемое граммемой множественного числа, вступает в противоречие с конкретно-референтным, определенным статусом референта нулевого субъекта в предтексте (Татьяна в примере из «Евгения Онегина»). Такое взаимосключающее взаимодействие грамматических категорий лежит в основе художественного приема: когда нет условий для осмыслиения формы в прямом грамматическом значении, ее семантика передается в план поэтики (для изображения ощущаемой героем холода, снисходительности и пренебрежительности со стороны антагониста). Наложение формальной множественности в неопределенно-личной конструкции и семантической определенности агента становится основанием для формирования семантики отчужденности¹⁰ между субъектом диктума (неназванным агентом) и субъектом модуса (тем, кто находится в фокусе эмпатии) и для передачи «личностных конфликтов». В повести Чехова «Дуэль» во внутренней речи Лавского накануне дуэли с фон Кореном неопределенно-личные предложения являются средством выражения личностного конфликта, однако под этой маской может обнаруживаться *неличная сила*, управляющая судьбой, см.: «Убьют ли его завтра утром, или посмеются над ним, то есть оставят ему эту жизнь, он все равно погиб». Представляется, что выбор неопределенно-личных предложений способствует снижению, с точки зрения субъекта сознания (Лавского), ранга агента (неличной высшей силы) до личност-

⁹ С.М. Интерпретацию в работе: Г.В. Бултыни: *Я, ты и другие в русской драматургии*. В: *Rus Philologica*. Москва; Ленинград 1990.

¹⁰ См. о семантической категории «чуждости» А.Б. Пеньковский: *Очерки по русской семантике*. Москва 2004.

ного и тем самым их уравниванию, ср. с героями поэм Байрона, которые стремятся вести себя с Богом как с личным противником. Однако за несколько часов, отделяющих чеховского героя от дуэли, он проходит путь от безнадежности к смирению и желанию жить (от «он все равно погиб» к «ему хотелось вернуться домой живым»), в последние секунды перед отъездом из дома к месту дуэли появляется и прямая мысль о Боге: «Глядя на нее молча, Лавский [...] подумал, что если небо не пусто и в самом деле там есть бог, то он сохранит ее; если же бога нет, то пусть она погибнет, жить ей незачем» (Чехов, Дуэль).

Разграничение исполнителей-инструментов и героев-антагонистов позволяет интерпретировать возможность субъектов разных индивидуальных рангов в движении сюжета. Эти возможности принципиально не существуют либо ограничены в первом случае, что предопределяется самой неиндивидной и вспомогательной ролью субъекта, во втором случае такие возможности существуют, что обусловлены индивидным и персональным статусом субъекта.

Однако в нарративе ХХ в. допускается и другая ситуация: во-первых, герой вне авторской эмпатии, во-вторых, личностные полночия (воли, цели, исполнение), а тем самым способность развивать сюжет передается неиндивидному герою – некоторой недифференцированной массе; об этом может свидетельствовать рассказ Т. Толстой «Соня». Характеристикой такого неиндивидуального героя является реальная множественность (в отличие от *Ego не видят, с ним ни слова...*). В рассказе Т. Толстой неиндивидуальность, недифференцированность (или слабая дифференцированность) и множественность не становятся препятствием для того, чтобы сформировать сквозного неиндивидного героя, претендующего на одну из главных ролей в развитии событий (обычно динамика времени реализуется индивидным героем).

Рассказ Т. Толстой насквозь литературен, построен на изысканных литературных аллюзиях – к произведениям Г.Х. Андерсена, Г. Флобера, Ф.М. Достоевского. Эмалевая броши в виде голубка, принадлежащая героине рассказа, Соне, вызывает алюзии к литературным произведениям, героя которых стали сим-

волами сильной, неустанной и нескончаемой любви, – от стойкого оловянного солдатика до Фелисите из «Простой души». Ср.: «На другой день служанка стала выгребать из печки золу и нашла маленький комочек олова, похожий на сердечко, да обгорелую, черную, как уголь, брошку» (Г.Х. Андерсен, Стойкий оловянный солдатик). – «Скорее всего она (Ада) бросила эту пачку в огонь [...] и, может быть, робко занявшись вначале, затем быстро чернея с утлов, и, наконец, взвившись столбом гудящего пламени, пыльма согрели, хоть на краткий миг, ее скрюченные, окочневшие пальцы. Пусть так. Вот только белого голубка, я думаю, она должна была оттуда вынуть. Ведь голубков огонь не берет» (о несторевшей металлической броши герояни; Т. Толстая, Соня). Эмалевый голубок, вечный спутник Сони, вызывает ассоциацию с попугаем Лулу, обожаемым своей хозяйкой Фелисите и превращенным ею после смерти в чучело, а затем вознесенным ею до Святого духа («Бог-отец не мог сделать своим посланием голубя – ведь голуби не умеют говорить, – вернее всего, он избрал предка Лулу» – Флобер, Простая душа), а сама Соня становится новым воплощением «простой души», Фелисите. Обращают на себя внимание такие персонажные параллели между «Бесами» и «Соней», как несчастная доля и характер «безумных» героинь – Мары Тимофеевны и Сони, наличие полумифического мужа Лебядкиной и мифического «возлюбленного» Сони по имени Николай (Николай Ставрогин в «Бесах» и вымышленный, в ходе разработки «адского планчика», Николай в «Соне»).

С точки зрения образной системы и работы грамматических категорий рассказ представляется в определенной степени пародоксальным, его можно рассматривать как грамматический эксперимент. Неиндивидуализированный герой-масса – антагонист главной героини Сони, компания, имеющая некоторую социальную, географическую и временную характеристику (круг интеллигентных друзей в Ленинграде военных лет). Поскольку такой герой лишен индивидуальности, к нему неприложимо имя собственное, и автор решает вопрос о номинации героя. Этот необычный герой получает номинацию за счет, во-первых, не-

индивидуальных имен, индивидуальных (собственных) имен в особых условиях употребления и, во-вторых, за счет конструкций с синтаксическим нулем (в эту систему средств включаются и неопределенно-личные предложения). Среди них есть средства, формирующие как внешнюю точку зрения (это ожидаемый прием), так и внутреннюю (прием неожиданный) 11.

1. количественно-собирательные имена и сущ. во мн. ч.: *смеющаяся компания, общество; участники эпистолярного романа*
2. кванторные местоимения (в том числе отрицательные): *все цицунной компанией отправляются на какое-нибудь неотложное увеселение; И все радовались: ну не прелест ли! Ясно одно – Соня была дура. Это ее качество никого никогда не оспаривал, да теперь уж и некому, а также указательные местоимения в рамках конструкции т.к. ...: Потом умерли и те, кто так говорил...;*
3. реляционные имена в отсутствие конкретизатора: *спрашивала Соня у растерянного мужа, перегнувшись через его плечо – веди мою жену = «муж жены»;*
4. серии собственных имен без индивидуализированного изображения называемых: *Они собирались большой компанией – Ада, Лев, еще Валериян, Сережа, кажется, и Котик, и кто-то еще – и разрабатывали умортительный план...*
5. Средства для номинации нереферентных субъектов: субстантивированные причастия: *уже просвечивают марлей спины сидящих; существительные, называющие «контуры тела»: веселая смеющаяся фигура.*
6. нулевой субъект:

- a) Ты, субъектный при возвратных предикатах ментальной и социальной семантики:
Впрочем, по прошествии некоторого времени, когда уже выяснилось и Сонина незаменимость на кухне в предразличной суете, и швейные достоинства, и ее готовность погулять с мужами детьми...; Так что это всегда поручалось ей;

¹¹ Подробно о синтаксических и лексико-семантических нюансах как средствах этого центральной текстовой техники см. Н.К. Онищенко: Указ. соч.

- б) Им. неопределенного-личного предложения:
 – А вы, Соня, – *сказали ей* (должно быть, добавили и отчество, но теперь оно уже безнадежно утрачено), – а вы, Соня, что же не кушаете?
- в) Дат. (или для+Род.) в предложениях с предикативами состояния и модальными модификаторами можно, нельзя: *Вкусно, и давало повод для шуток* Она любила детей, это ясно, и можно было поехать в отпуск, хоть в Кисловодск, и оставить на ее детей и квартиру..., при глаголах состояния: *Потом замаяя стала надеяться;*
- г) Род. или поессив при девербативах: голоса, смех, при именах партитивной семантики: *проклятый Николай катаржным ядром* путался под ногами, при терминах родства: спрашивала Соня у растерянного мужа;
- д) Тв. субъектный при страдательных причастных предикатах: *Фантом был немедленно создан, наречен Николаем, обременжен женой и тремя детьми, поселен для переписки в квартире Адного отца;*
- е) невербализуемый субъект, предполагаемый семантикой предиката: из томной Сони ровным счетом ничего *нельзя было вытянуть*, никаких скретов; в наперстнице к себе она никого не допускала и вообще делала вид, что ничего не происходит, – надо же, какая скрытная оказалась;
7. Еще один прием – неназывание субъекта речи при прямой речи: Жил человек – и нет его. Только имя осталось – Соня, «Ложите, Соня говорила... „Планы похуже, как у Сони...” „Сморкнувшись, сморкаешься без конца, как Соня...” ; эгоцентрические показатели типа вводных слов, обращений в отсутствие называния их владельца: Потом вот эту, знаете, требуху, почки, вымя, ноги – их так легко испортить, а у нее выходит – пальчики оближешь! Ну что о ней еще можно сказать? Да это, пожалуй, и все! Стало быть, Соня шила... А как она сама одевалась? Бездельник, друзья мои, безобразно!
- Грамматическая техника, избранная Т. Толстой, такова, что среди перечисленных выше бессубъектных предикатов содеряжатся как предикаты внешней точки зрения (эксплицитные, субъект

которых не может попасть в фокус эмпатии: *поручалось, сказали ей*, так и предикаты внутренней точки зрения (формирующие фокус эмпатии: в частности эмоциональные и ментальные: *выяснилось, надоедать*, метонимические способы представления субъекта: *ноги*). Присутствие средств, формирующих внутреннюю точку зрения, чисто логически можно объяснить сменой голосов, сменой субъектов речи – как будто вспоминают участники самой компании по очереди. Средства внешней точки зрения могут быть объяснены временем¹², дистанцией между моментом речи и вспоминаемым временем¹², пересказом событий и додумыванием от лица автора (который не входит в изображаемый дружеский круг, а пытается разузнать о происходившем до войны и во время войны от уцелевших участников либо духов). Предикаты внешней точки зрения способствуют отстранению читателя от героя, предикаты внутренней точки зрения не приближают. Средства индивидуализации не повышают индивидуальный ранг героя-группы, а средства эксплицитности, отчужденности от главного героя не создают внутренней точки зрения, сближающей читателя с протагонистом. Тем самым читательские ожидания не оправдываются, если принять в расчет традиционную нарративную технику: неопределенно-личное предложение как средство создания фокуса эмпатии (например, изображение Татьяны с точки зрения Онегина). В результате рождается текстовая техника, которая позволяет создать многоголосье, но не всегда позволяет отождествить субъекта речи (сознания), своеобразное равноправие разных голосов, разных Я. Неразличение авторского Я и они – «запрещенный прием» в традиционном нарративе; для формирования авторской позиции Т. Толстая использует те же средства, что и для изображения «компании», см., например, партитивное имя: *в голове остался только след голоса (автор)* – *проклятый Николай катаржным ядром пущался под ногами* (компания); нуль Дат. при эмотивном предикате:

¹² См. Е. Н. Никитина: Акциональность/неакциональность взаимоотношений субъекта (к грамматической сущности категории запола). Канд. дисс. Москва 2008.

Но хотелось бы поподробнее узнать про Соню (автору) – Потом затея стала надоедать (героям). Очевидно, такой прием приводит к тому, что авторское Я и компания не противопоставлены – ни грамматическими средствами (средства, которые градационно используются для формирования Я и они, смешаны), ни идеологически: вероятно, речь идет о всеобщей человеческой природе, временами нецеленаправленно жестокой, благодаря отсутствию размежевания между Я и они автор не осуждает своих героев.

Можно было бы ожидать, что такой грамматический прием, удаляющий читателя от индивидуального субъекта, будет приближать читателя к главной героине, Соне. Напротив, группа-герой становится средством внешней точки зрения на Соню и для читателя (своеобразное остранение). Коллизия разворачивается между Он-героем и Они-героем, антагонистом, во взаимодействии с которым обнаруживаются индивидуальные черты Сони. Внешний взгляд на Соню – это принципиальная авторская позиция, которую сама Т. Толстая характеризует таким образом: «Мне интересны люди „с отшиба“, то есть к которым мы, как правило, глухи, кого мы воспринимаем как нелепых, не в силах расслышать их речей, не в силах разглядеть их боли. Они уходят из жизни, мало что поняв, часто недополучив чего-то важного, и уходя, недоумевают, как дети: праздник окончен, а где же подарки? А подарком и была жизнь, да и сами они были подарком, но никто им этого не объяснил».

Индивидуализация антагониста происходит в лице Ады. Приобретение антагонистом характера, имени и лица (*Сестра Льва Адольфовича, Ада, женщина-остранец, худая, по-змеиному элегантная; смуглое лицо, румянец*) повышает его индивидуность. Индивидуализирующие свойства, заданные в самом начале, оправдываются в сюжете не тогда, когда Ада выступает как один из агентов, управляющих Соней, а позже, когда сама Ада становится субъектом испытывающим (субъектом состояния, а затем объектом действия: стыд не позволяет ей бросить переписку с Соней от лица Николая; Аду во время блокады спасает Соня, не дав ей умереть от голода).

Тем самым повествование Татьяны Толстой является своеобразной демонстрацией того, что индивидуализация героя особое значение в сюжете получает тогда, когда герой становится предметом чьего-то еще личностного сочувствия и объектом действия, объектом приложения внешней силы. Индивидуализация неизбежна, когда герой должен выступать как субъект чувствующий. Тем самым как личность Ада обретает спасение дважды: как физическая личность – ее спасает от голода Соня во время блокады; как психическая личность – она приобретает личностный ранг и выступает из обезличенной группы заговорщиков. Это согласуется с грамматическими наблюдениями о том, что максимальная индивидуальность связана с испытыванием состояния (а не с активностью, не с действием).

Неиндивидуализированный, колективный сквозной герой (существующий на протяжении всего романного времени) представлен также в романе Достоевского «Бесы». В романе сосуществуют два неконкретно-референтных групповых субъекта – это городское общество и кружок «наших», от обоих старается дистанцироваться рассказчик. Языковые средства дистантирования – нулевой субъект неопределенно-личных предложений (Им.), возвратно-страдательных предикатов (Гв.), возвратных предикатов эмотивной семантики (Дат.). Городское общество – пространство, в котором распространяются слухи. Семантика предикатов – глагоны речи и эмоционального отношения: *И чего-то не болтали; и не потом рассказывали; им не потом замечали; Говорили даже по уголкам*, что у нас, может быть, будет убийство...; *Даже гордость и та брезгливая неприступность, за которую так ненавидели его у нас четыре года назад, теперь уважались и нравились; Мысли эта нравилась...*. «Кружок наших» приобретает роль в развитии сюжета, выступает как объект действия. См. примеры с глаголами действия, каузативным глаголом (события накануне «многотрудной ночи»): *в заседании у наших условились и распределили роли назавтра; Ему (Эркелью) велено было, например, хоронить между прочим высоким* субъектом при изображении городского общества оправданы

образом рассказчика, сообщающего о слухах, сплетнях (неопределенность, множественность нулевого субъекта), то средства неопределенно-личных и залоговых предикатов при изображении действий «кружка наших» объясняются характером деятельности этого кружка – конспиративностью, скрытностью. Обычненность в связи с действиями кружка, однако, не означает отсутствия дифференциации в характерах и поступках участников кружка (ср. эмоциональную реакцию Вирлинского, Лямин на в «многотрудную ночь»).

Таким образом, при анализе художественных текстов обнаруживается субъектный потенциал неопределенно-личных предложений. Семантическими признаками субъекта могут быть: «орудийность», сближающаяся с предметностью; колективность, собирательность, неиндивидуальность, антагонистичность («все», «чужие», «другие»); личность, персональность, антагонистичность по отношению к герою в фокусе эмпатии. В рамках данной конструкции может выражаться и субъект высшего ранга (индивидуальная высшая сила) с определенным смещением в иерархии, сближением по онтологическому рангу с мыслящим (говорящим) личным героем.

При анализе художественных текстов обнаруживается, что автор может обращаться ко всей однородной семантической зоне «неиндивидуальная личность-квантификация-чуждость» (представленной местоимениями 3-го лица), в частности при изображении конфликта лирического Я с миром. В рамках другой художественной тактики неопределенно-личная конструкция, выражающая семантику отчужденности от Я, может вступать во взаимодействие с другими конструкциями с нулевым субъектом, выражающими противоположную семантику (индивидуальность, единичность, перволичность). Пересечение в тексте таких семантических разных средств возможно на базе формального сходства (конструкции с нулевым субъектом), что способствует разрушению фокуса эмпатии и отменяет противостояние Я и они, тем самым может получать выражение особая идеологическая позиция (несуждение героя автором).

Резюме

Статья посвящена решению вопросов, связанных с семантикой неопределенно-личных предложений и их функциональными возможностями в рамках художественного текста: сюжетный потенциал субъекта неопределенно-личного предложения и степень агентивности субъекта; альтернативные способы представления (номинации) неиндивидуального субъекта, помимо средств неопределенно-личного предложения; неопределенно-личные предложения и фокус эмпатии.